

Научная статья
УДК 130.2/ 316.4
doi: 10.17223/15617793/513/9

Политическая агентность историографии: последствия и контекст

Оксана Владимировна Головашина¹

¹ Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, ovgolovashina@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются политические аспекты историографии через осмысление агентности историографических моделей и контекста, влияющего на их конструирование. Отмечены следующие политические проявления историографических моделей: 1) исторический нарратив может интерпретироваться политически; 2) любая историографическая модель имеет какую-то цель, миссию, связанную с реализацией интересов определенных групп; 3) историография выполняет функцию легитимации. Политическая агентность историографии также поднимает вопрос о контексте.

Ключевые слова: историография, историографическая модель, политика, политизация, история, канон

Источник финансирования: публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политико-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

Для цитирования: Головашина О.В. Политическая агентность историографии: последствия и контекст // Вестник Томского государственного университета. 2025. № 513. С. 75–81. doi: 10.17223/15617793/513/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/513/9

The political agency of historiography: Consequences and context

Oksana V. Golovashina¹

¹ Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation
ovgolovashina@mail.ru

Abstract. The article proposes to understand the concept of historiography as a canon, despite the existing criticism of the use of this category in academic texts, and focus on the political aspects of historiography as a method of intellectual action and research optics, through understanding both the agency of historiographic models, which carries political consequences, and the analysis of the political context that influences the construction of historiographic models. This does not mean that historiography is a narrative about politics (the study of political history, etc.), but that it itself acts as a political phenomenon. The following political manifestations of historiographic models are noted: (1) the historical narrative itself, including that designed as a historiographic model, it can be interpreted politically, this also applies to projects of history depoliticization; (2) unlike historical knowledge, historiographic models preserve the linearity of the narrative; a consequence of this processual temporality is that any historiographic model has some goal, mission, connected with realization of interests of certain groups, which allows speaking about it, among other things, as a political project; (3) historiography performs a function of legitimation, as something that explains the past, defines the present and softens the impact of the past on it. Thus, the historiographic model can be interpreted as an authoritarian practice, reflecting interests of a certain community. Political agency of historiography also raises the question about the context of the canon, which functions through historiographic works, that is, it is necessary to consider what political conditions and in what way influence construction of certain historiographic models. The following factors seem to be determining: (1) the existence of a normative structure, within the framework of which different communities, interested in their vision of the past, evaluate themselves, implement their decisions and use ideas about history for their own purposes; (2) the established language of description is important, which is then transmitted through historiographic models, representing a resource associated with the interests of specific groups, and its transmission by other groups contributes to the strengthening of the influence of communities that speak the language; (3) the politicization of historiography is also strengthened by the context of post-normal science, which presupposes a temporary rejection of the search for truth as a traditional scientific ideal in the context of uncertainty of facts, values and the need to present a specific result. It is worth noting that the modern political reality is characterized by the action of several contexts simultaneously.

Keywords: historiography, historiographic models, politics, politicization of history, canon

Financial support: The research is supported by the RF Ministry of Science and Higher Education (Agreement No. 075-15-2024-639 dated July 12, 2024).

For citation: Golovashina, O.V. (2025) The political agency of historiography: Consequences and context. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 513. pp. 75–81. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/513/9

Под историографией в современных российских работах имеется в виду история идей или история научных сообществ [1], оценка корпоративных, межличностных связей, культурного и философского контекста [2], или линейное описание взглядов различных исследователей на какую-либо проблему/тему в определенный период. Довольно популярны, хотя и не в среде историков, идеи сближения историографии и литературы (Х. Уайт), «истории понятий как историографического труда» (Р. Козеллек), историографии как истории памяти, способствующей тому, чтобы вписать новые события, которые по своему содержанию и итогам являются травмирующими историческое сознание, в уже имеющиеся концепции прошлого (Й. Рюзен).

То есть характерные для XIX в., связанные с классической научной рациональностью представления об историографии как истории исторической науки и метафора лестницы, восхождение по которой позволит молодым исследователям не «изобретать велосипед» и органично включать новые источники в имеющееся знание, уже не актуальны. На их трансформацию повлияли расширение рамок рефлексии над собственной исследовательской деятельностью [3], «принципиальные различия в понимании характера взаимоотношений историка с источником, предмета и способов исторического познания, содержания и природы исторического знания, определения его статуса и формы изложения, а также возможностей последующих интерпретаций исторического текста» [4. С. 119], лингвистический поворот и развитие смежных дисциплин.

Поэтому в предлагаемой статье понятие историографии предлагается осмыслить как канон, несмотря на существующую критику использования именно этой категории в академических текстах [5; 6. С. 7, 11]. В искусстве канон соответствует некоему образцу и определяет способ действия; применительно к историографии под каноним имеется в виду соответствующая исследовательская оптика, т.е. в статье не ставится вопрос о каком-то списке значимых имен/текстов [7] или о том, почему та или иная историографическая модель стала канонической, но рассматривается, как эта модель действует в качестве канона. Акцент предлагается сделать на политических аспектах историографии как способа интеллектуального действия через осмысление как агентности историографических моделей, несущей политические последствия, так и анализа политического контекста, влияющего на конструирование тех или иных историографических моделей. Дисциплинарные отличия (историография исторических, политологических, юридических, педагогических и других наук) останутся за скобками; это приводит к определенной редукции, однако более важным представляется сосредоточить внимание на общих принципах, характерных для работы всех историографических моделей, проявлениях их агентности и влиянии

контекста на них. По той же причине не будет рассматриваться влияние исследовательского сообщества на содержание историографических работ. Также признается, что «мысль остается захваченной языковой формой, в которой она пытается запечатлеть контуры объектов, находящихся в поле ее восприятия» [8. С. 20], т.е. имеющееся представление об историографии какого-либо периода, дисциплины, оказывается следствием и функцией от доминирующего в сообществе лингвистического режима, однако в статье не ставится цель в очередной раз постулировать зависимость исследовательских высказываний от языка, но предлагается сделать еще один шаг и посмотреть, с чем связан тот или иной лингвистический режим и какие следствия, кроме предустановленного языка описания, он может нести.

На первом шаге историография будет рассмотрена как эпистемология и показаны политические последствия подобной оптики; далее представлен анализ политических последствий историографических моделей, а на заключительном шаге исследовано влияние политического контекста.

Если рассматривать историографию как эпистемологию, то в качестве метафоры вместо лестницы лучше подойдет какой-либо инструмент, позволяющий обратить внимание на то, что при помощи органов чувств остается незамеченным: микроскоп позволяет увидеть, что живое состоит из клеток, марксистская историография везде «видит» приоритет экономического фактора и борьбу классов. Так понятая историография оказывается агентной, т.е. выступает в качестве эпистемологического инструмента, определяющего источники, методы работы с ними и последующее содержание текстов. Постколониальная историография видит прошедшее не так, как гендерная или марксистская, и опирается на другие основания. Выбор того или иного направления делает исследователя в дальнейшем пленником этого выбора и определяет способ его интеллектуального действия, вне зависимости от того, при помощи каких оснований был сделан выбор. В современной ситуации, когда апеллирование к универсалиям или классическим причинно-следственным объяснениям оказывается риторическим ходом, можно согласиться с тем, что «наилучшие основания для предпочтения одного видения истории другому являются эстетические и моральные, нежели эпистемологические» [8. С. 20], однако эстетический или моральный выбор, который делает исследователь, не противоречит тому, что последствия для историографии вообще оказываются эпистемологическими. Речь также может идти об определенной эпистемической добродетели (*epistemic virtue* [9]), в основе которой лежит предположение, что познавательные практики представляют собой один из видов практик вообще и таким образом предполагают моральные основания, которые определяют эти практики; соответственно, эпистемология имманентно связана с системой моральных правил.

Необходимо отметить также, что если согласиться с тем, что наука производит факты как высказывания, соответствующие действительности вне зависимости от контекста или процесса их появления [10], то историография (в отличие от истории, с определенными оговорками), не смогла произвести какого-либо научного факта, ограничиваясь высказываниями, транслирующими интересы каких-либо групп и – зачастую – их стремление к легитимации. Имеется в виду не столько то, что историография представляет собой повествование о политике (исследование политической истории и т.п.), сколько то, что она сама по себе выступает в качестве политического явления. Это не значит, что историография существует только в политизированном варианте и не может быть других оснований для работы с историческим знанием (например, есть объективные события, трактовки которых могут отличаться, но невозможно отрицать факт того, что они произошли). Однако в соответствии с поставленными выше целями, важно акцентировать внимание именно на этом аспекте. Далее будут более подробно рассмотрены политические проявления историографических моделей.

Во-первых, сам по себе исторический нарратив, в том числе оформленный как историографическая модель, может интерпретироваться политически. Даже больше: «политические общества разрабатывают повествования о своих прошлых действиях, институтах и контекстах, в которых эти действия были выполнены» [11. Р. 1–2]; и в этих повествованиях, «постоянно переписываемых, они рассматривают множество способов, которыми их истории должны быть поняты, подвергнуты критике и ограничены» [11. Р. 2]. Современные исторические исследования в отличие от работ, появившихся, когда история как наука только получала распространение, посвящены разным вопросам, и политическая история не является сейчас самой популярной, но развитие таких тем, как социальная, гендерная история, обращение к микроисторическим исследованиям, – это также действие, которое имеет политические последствия, особенно в случае, если оно преднамеренное; т.е. деполитизация истории также является ее политикой. Речь идет не столько о том, что историография представляет собой повествование о политике, сколько о том, что сама по себе историография – это политическое действие. Существует множество нарративов, поскольку политика – это спорная деятельность, в которой действующие лица имеют разные цели, рассказывают разные истории и в некоторой степени живут в нарративах, которые им удастся связать. Если эти нарративы совершенно непримиримы, то нет никакого политического общества; если это присутствует, разнообразие нарративов в некотором роде и в некоторой степени сохраняется.

Во-вторых, даже при отсутствии политической устремленности в будущее сама историография, построенная на процессуальной темпоральности, имманентно это будущее предполагает. То есть любая историографическая модель имеет какую-то цель, миссию, что позволяет говорить о ней и как о политическом проекте. Конечно, модели, предлагаемые О. Конттом,

К. Марксом, Г. Гегелем, отличаются по своим мировоззренческим, эпистемическим основаниям, однако они говорят о последовательном развертывании определенных идей и ставят конкретные цели. После критики К. Поппера различных поворотов (например, лингвистического) говорить о такой линейности в истории стало сложно, но она сохраняется в историографии. То, что историографические модели конструируются для конкретных адресатов, не означает акцентуации содержательного аспекта историографии – важным представляется то, что интеллектуалы в рамках историографических моделей сегодня конструируют и распространяют тот язык, на котором будут говорить следующие поколения, следствием которого является та или иная исследовательская оптика; т.е. историографическая модель предполагает распространение языка описания, позволяющего обратить внимание на одни феномены и игнорировать другие. Можно представить историческую работу, анализирующую какое-либо событие, эпизод через сеть контингентных присвоений, но вряд ли возможна такая историографическая модель вообще. Деконструкция возможна и в историографии (например, гендерные исследования деконструируют прежнюю модель), но следствием этой деконструкции будет новая модель, может быть, более прежней нуждающаяся в деконструкции.

В-третьих, историография выполняет функцию легитимации, как то, что объясняет прошлое, определяет настоящее и смягчает воздействие прошлого на него. Стоит также отметить, что какой бы банальной не казалась сейчас идея об онтологическом отличии прошлого, настоящего и будущего, она сама по себе представляет собой конструкт, появившийся в Средние века в среде гуманистов, стремившихся делегитимировать амбиции папства [12]. Получившее автономность прошлое, таким образом, выступало в качестве ресурса для обоснования политических устремлений тех групп, которые имеют к нему доступ. Причем историография как политический инструмент будет действовать только в том случае, если с достоверностью и объективностью построенной модели сообщество в целом согласно, хотя и может дискутировать насчет некоторых деталей. История, как отметил Покак, наследница софистики, а не философии [11. Р. 2], ее цель не была связана с поиском истины, скорее с тем, чтобы убедить адресатов в какой-либо интерпретации – эту цель невозможно реализовать без обязательного использования риторических приемов. «Разница между древней и современной историографией заключалась в том, что последняя была судебной и нуждалась в аппарате проверки, потому что утверждения фактов были в то же время претензиями на авторитет» [11. Р. 4], возможности использования прошлого для легитимации только увеличились, когда «юриспруденция присоединилась к филологии в политизации историографии» [11. Р. 4].

Политичность историографии поднимает вопрос о контексте того канона, который функционирует через историографические работы. Сам канон меняется, реагируя на запросы акторов, транслирующих новые тенденции, но сложившаяся историографическая модель

не может выступать актором его изменений. Соответственно, стоит предположить, какие политические условия и каким образом они влияют на конструирование тех или иных историографических моделей. Речь идет не о политике памяти, под которой исследователи понимают «целенаправленную деятельность по репрезентации определенного образа прошлого, востребованного в современном политическом контексте, посредством различных вербальных и визуальных практик» [13. С. 6], а о влиянии – вне зависимости от активности акторов – политического контекста на конструирование и функционирование историографических моделей. Есть много историй, которые сообщество может рассказать о себе или о другом сообществе, и много способов оценивать эти истории, но этот факт не отменяет существование и агентность нормативной структуры, в рамках которой сообщество оценивает себя и воплощает в жизнь свои решения. Например, распространенные западные историографические модели не предполагают линейной проекции на дальнейшие события («мы должны знать историю, чтобы ее не повторять», «избегать ошибок в будущем» и т.д.), их роль прежде всего в том, чтобы показать, как и почему современный мир оказался в той точке, в которой он оказался здесь и сейчас, «буржуазия не хочет другого будущего (тот факт, что она теперь достигла своего предпочтительного исторического назначения – либеральный, буржуазный, рыночный капитализм), означает, что ей больше не нужна основанная на прошлом, ориентированная на будущее фабрикация» [14. Р. 15–16], т.е. историографическая модель может быть проинтерпретирована в качестве авторитарной практики, которая, вне зависимости от того, к какому из политических направлений относится автор, «отражает «этноцентризм» и «культурную гордыню» современного западного общества [15. Р. 274]. Однако, в отличие от поля историографии XIX в., кроме условной «буржуазии» есть другие игроки, которые могут быть неудовлетворены текущим состоянием и предлагают другую вероятностную картину – например, мир, в котором отсутствуют гендерная дискриминация или интеллектуальное и экономическое доминирование бывших метрополий. Иными словами, историческое действие и процесс происходят в более чем одном контексте одновременно. Зачастую такие модели распространяются под знаменем «деполитизации истории», однако этот тезис сам по себе носит политический характер и влечет за собой политические последствия. Объявив необходимость борьбы с влиянием метрополий, постколониальная историография сама по себе оказывается политическим проектом, то же самое можно сказать о других историографических моделях (см., например, мотивацию выстраивания Покровским советской историографии) [16]. Постмодернистский проект историографии, постулирующий множественность и эпистемологическую равнозначность предлагаемых интерпретаций, эстетическую ценность вместо поиска истины, достоверности и верифицированности предлагаемой модели, предоставляет легитимность в том числе таким позициям, как фашизм, нацизм, расизм и т.д. Принятие этой точки зрения не дает оснований для

оспаривания деструктивных версий исторического нарратива.

Второй аспект влияния политических условий на формирование историографических моделей связан с языком описания, который они затем транслируют. То есть группы (класс, сообщество), стремясь к легитимации, опираясь на прошлое как ресурс, при этом не свободны в выборе языка. Обращаясь к Р. Рорти, Ф. Анкерсмит пишет: «Историография есть в особой степени та дисциплина, где “принуждение языка” имеет тенденцию быть перепутанным с “требованием опыта” и где то, что, казалось бы, является дискуссией о событиях реальности, в действительности является дискуссией о том, какой язык мы используем» [17. С. 159]. Но речь в этом пункте идет не столько о повторении известных в среде философов истории постмодернистских тезисов о «кризисе репрезентации» и «принуждении языком» (Ф. Анкерсмит), эстетизации истории и приоритете в ней различных риторических приемов (Х. Уайт), отождествлении нарратива и истории (А. Манслоу), замене методологии поэтикой (Р. Беркхофер), сколько о том, что язык описания сам по себе представляет ресурс, связанный с интересами конкретных групп, а его трансляция другими группами способствует усилению влияния владеющих языком сообществ. К числу таких языков можно отнести различные модели экономического человека, институционализм или транзитологию, направленные на легитимацию конкретных социально-экономических и политических систем как единственно возможных или более прогрессивных [18–21] и политического дискурса вообще, «который долгое время управлялся “проектом модерности” и его идеей всеобщего прогресса» [22]. Доминирование определенных языков описания опирается на систему авторитетных научных журналов, публикация в которых, как правило, предполагает определенное владение необходимым дискурсом, и исследовательских институтов и соответствующей экономической системы: «Выбор теории для применения в развивающихся странах становится вопросом элементарной силы – кто сильнее, тот и прав. Поскольку экономисты в лучших университетах Африки получают 100 долл. в месяц, а Всемирный банк предлагает им 300 долл. в день за работу консультантами по теории торговли, не стоит удивляться, что так мало экономистов в развивающихся странах идут против правящей теории. Просить гранты на исследования за пределами принятой экономической теории и ее инструментария примерно так же бесполезно, как Мартину Лютеру было бы бесполезно рассчитывать на гранты Ватикана» [23. С. 232]. Поэтому среди ученых наблюдается своеобразный вариант карго-культы – преклонения перед сложившимся исследовательским мейнстримом и подражания «колонизаторам» [24]. Историографическая модель также может выступать в виде нормативного дискурса, инстанции, определяющей место событий, сообществ на линии нормы/патологии. При этом большинство используемых в рамках доминирующих моделей понятий (демократия, капитализм, общество, революция и т.д.) на практике выступают в качестве пустых означающих: исследовательская работа с ними оказывается возможной только при наличии авторской дефиниции, часто

работающей только в пределах конкретной статьи/монографии и неприменимой при анализе других кейсов. Вместо полноценной исследовательской оптики, позволяющей выявлять какие-либо проблемы, феномены, объяснять общественные явления и их закономерности, в чем когда-то и заключалась основная функция общественных наук, язык работает на усиление интеллектуальной (и не только) гегемонии и культурного доминирования носителей этого языка. Таким образом, возникает ситуация, в которой «нормативный дискурс общественных наук неизменно отражает интересы доминирующих социальных сил, заинтересованных в сохранении имеющегося политического и экономического порядка, интерпретируемого как гармоничный (естественный, совершенный, абсолютный, справедливый, прогрессивный и т.п.)» [25. С. 113], поэтому один из способов преодоления влияния интеллектуальных монополий состоит в предоставлении возможностей бывшим колониям [26. С. 23–24], не западным странам вообще [24] говорить от своего имени на своем языке.

Усилению политизации историографии способствует также контекст постнормальной науки [27], которая, в отличие от идеалов нормальной науки Т. Куна, предполагает временный отказ от поисков истины как традиционного научного идеала в условиях неопределенности фактов, ценностей и необходимости представить конкретный результат [27. Р. 744] (например, в ситуации пандемии COVID-19 [28]). В этих случаях привычные маркеры научности перестают иметь решающее значение, оценка исследований зависит не столько от мнения коллег-ученых, сколько от сообщества экспертов и различных слоев общества вообще, так как решения в той или степени также затрагивают их, то есть место научного консенсуса занимает экспертиза заинтересованных в определенном результате группы лиц. Однако подобная постановка проблемы ставит вопрос о том, какие институты, группы, акторы отвечают за подобного рода экспертизу, что само по себе переводит проблему в разряд политических [29. С. 25].

В качестве последствий развития постнормальной науки можно отметить смещение демаркации научного и ненаучного знания и повышение роли активистов, общественных организаций, экономических и политических агентов в оценке результатов научной деятельности. Применительно к историографии контекст постнормальной науки обращает внимание на работу с прошлым как политический ресурс, акцентируя функции историографии в легитимации отдельных политических режимов и солидаризации сообщества. Само существование политической структуры можно называть предпосылкой существования историографии как дисциплины, появление которой вызвано подъемом национального государства.

Это утверждение не отрицает существования других типов исторического исследования, наличие которых не связано с тем, что идея национального государства и соответствующий тип общества сами по себе устарели, но обращает внимание на заинтересованность различных акторов, в том числе политических, в результатах работы историков и, соответственно, на влияние политического контекста на разрабатываемую ими проблематику, что особенно увеличивается в период внешне- и внутривнутриполитических кризисов, когда актуализируется идентификационная проблематика.

В заключение стоит отметить, что возможность интерпретировать свое прошлое выступает частью суверенитета государства как способность управлять, противостоять и продолжать собственную историю. Речь не идет о наличии какой-либо универсальной, верной с позиции государства версии собственного прошлого, но о различных нарративах, существующих внутри страны, между которыми возможен диалог и коммуникация, но не конфликт; при этом принципиальным качеством является способность государства говорить о той версии своего прошлого, которую оно сочтет нужной: «сообщать англичанам, что у них нет истории, которая принадлежит им, а есть только история, которая принадлежит Европе, было бы тем же самым, что и сообщить им, что они не существуют и не могут говорить “мы”, пока конструкция под названием “Европа” не позволяет им это делать» [11. Р. 5]. Поэтому решение Европарламента о приравнивании нацизма, фашизма и советского режима [30] не отменяет продолжения исследований различных аспектов Великой Отечественной войны и соответствующих коммеморативных мероприятий, а также стремления распространить свою версию прошлого через доступные каналы как внутри страны, так и за ее пределами и ограничение конфликтующих с этой версией интерпретаций прошлого.

Таким образом, историография как способ интеллектуального действия несет определенные политические последствия. Они проявляются в историческом нарративе, процессуальная темпоральность которого имманентно предполагает наличие какой-либо цели, миссии и формирования соответствующего языка описания, на котором будут говорить следующие поколения исследователей и политиков. С другой стороны, политический контекст также влияет на формирование и функционирование историографических моделей. Значение имеет контекст постнормальной науки, существование и агентность нормативной структуры, в рамках которой сообщество оценивает себя и воплощает в жизнь свои решения, используемый язык (мейнстрим общественных наук), который работает на усиление интеллектуальной гегемонии и культурного доминирования носителей этого языка.

Список источников

1. Коновалова Н.А., Метель О.В. История идей против истории научных сообществ: две модели построения историографического исследования // Омский научный вестник. 2011. № 3 (98). С. 28–31.
2. Дворниченко А.Ю. Зеркала и химеры. О возникновении древнерусского государства. СПб.; М.: Евразия; Клио, 2014.
3. Степин В.С. Становление идеалов и норм постнеклассической науки // Проблемы методологии постнеклассической науки: сб. ст. / отв. ред. Е.А. Мамчур. М., 1992. С. 7–16.

4. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М., 2011.
5. Baehr P. *Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick; London : Transactions Publishers, 2002.
6. Классика и классики в социальном и гуманитарном знании / под ред. И.М. Савельевой, А.В. Полетаева. М. : Новое литературное обозрение, 2009.
7. Блум Г. Западный канон. Книги и школа всех времен. М. : Новое литературное обозрение, 2017.
8. Уайт Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века / под ред. Е.Г. Трубиной, В.В. Харитоновой. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2002.
9. Дастон Л., Галисон П. Объективность. М. : Новое литературное обозрение, 2018.
10. Latour B., Woolgar S. *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London : Sage, 1979.
11. Pocock J.G.A. Historiography as a form of political thought // *History of European Ideas*. 2011. Vol. 37. P. 1–6.
12. Fasolt C. *The Limits of History*. Chicago : University of Chicago Press, 2004.
13. Аникин Д.А. Политика памяти в современном российском обществе: урбанистический аспект // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Философия. Психология. Педагогика*. 2011. Т. 11, № 1. С. 3–8.
14. *The Postmodern History Reader* / ed. by Jenkins K. Routledge, 1997.
15. Windschuttle K. A Critique of the Postmodern Turn in Western Historiography // *Turning points in historiography : a cross-cultural perspective* / ed. by Q. Edward Wang and Georg G. Iggers. P. 271–286.
16. Тесля А.А. В спорах о марксистской концепции русской истории : между автономией государства и НЭПом // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2022. Т. 6, № 1. С. 213–232.
17. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. : Прогресс-Традиция, 2003.
18. Макклоски Д. Риторика экономической науки. М. : Изд-во Ин-та Гайдара, 2015.
19. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011.
20. Куинтин Дж. Зомби-экономика. Как мертвые идеи продолжают блуждать среди нас. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016.
21. Пикетти Т. Капитал в XXI веке. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016.
22. Reckwitz A. *The Society of the Singularities*. Cambridge; MA : Polity, 2020.
23. Райнерт Э.С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными. М. : Изд. дом ВШЭ, 2011.
24. Мартынов В.С., Руденко В.Н. Магия белого прогрессора: От глобального каргокульта к новой политической нормальности // *Полития: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики)*. 2022. № 1 (104). С. 24–49.
25. Мартынов В.С. В поисках другого мейнстрима // *Полис. Политические исследования*. 2021. № 4. С. 112–131.
26. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.
27. Funtowicz S., Ravetz J.R. Science for the Post-Normal Age // *Futures*. 1993. Vol. 25, № 7. P. 735–755.
28. Ravetz J. Science for a Proper Recovery : Post-Normal, not New Normal / *Issues*. 2020. URL: <https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery> (дата обращения: 30.05.2021).
29. Порус В.Н., Бажанов В.А. Постнормальная наука : между Сциллой неопределенности и Харибдой политизации знания // *Философия. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. Т. 5, № 4. С. 15–33.
30. Lewanowicz C. Europe must remember its past to build its future // *European Parliament*. URL: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> (дата обращения: 21.02.2025).

References

1. Konovalova, N.A. & Metel', O.V. (2011) *Istoriya idey protiv istorii nauchnykh soobshchestv: dve modeli postroeniya istoriograficheskogo issledovaniya* [History of Ideas vs. History of Scientific Communities: Two Models for Building Historiographical Research]. *Omskiy nauchnyy vestnik*. 98 (3). pp. 28–31.
2. Dvornichenko, A.Yu. (2014) *Zerkala i khimery. O vozniknovenii drevnerusskogo gosudarstva* [Mirrors and Chimeras. On the Emergence of the Old Russian State]. Saint Petersburg; Moscow: Evraziya; Klio.
3. Stepin, V.S. (1992) *Stanovlenie idealov i norm postneklassicheskoy nauki* [The Formation of Ideals and Norms of Post-Nonclassical Science]. In: Mamchur, E.A. (ed.) *Problemy metodologii postneklassicheskoy nauki: sb. st.* [Problems of the Methodology of Post-Nonclassical Science: Collection of Articles]. Moscow. pp. 7–16.
4. Repina, L.P. (2011) *Istoricheskaya nauka na rubezhe XX–XXI vv.: sotsial'nye teorii i istoriograficheskaya praktika* [Historical Science at the Turn of the 21st Century: Social Theories and Historiographical Practice]. Moscow.
5. Baehr, P. (2002) *Founders, Classics, Canons. Modern Disputes Over the Origins and Appraisal of Sociology's Heritage*. New Brunswick; London: Transactions Publishers.
6. Savel'eva, I.M. & Poletaeva, A.V. (eds) (2009) *Klassika i klassiki v sotsial'nom i gumanitarnom znanii* [Classics and Classic Authors in Social and Human Knowledge]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
7. Bloom, H. (2017) *Zapadnyy kanon. Knigi i shkola vseh vremen* [The Western Canon: The Books and School of the Ages]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. White, H. (2002) *Metaistoriya: Istoricheskoe voobrazhenie v Evrope XIX veka* [Metahistory: The Historical Imagination in Nineteenth-Century Europe]. Yekaterinburg: Ural University.
9. Daston, L. & Galison, P. (2018) *Ob'ektivnost'* [Objectivity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Latour, B. & Woolgar, S. (1979) *Laboratory Life: The Social Construction of Scientific Facts*. London: Sage.
11. Pocock, J.G.A. (2011) Historiography as a form of political thought. *History of European Ideas*. 37. pp. 1–6.
12. Fasolt, C. (2004) *The Limits of History*. Chicago: University of Chicago Press.
13. Anikin, D.A. (2011) *Politika pamyati v sovremennom rossiyskom obshchestve: urbanisticheskii aspekt* [Politics of Memory in Modern Russian Society: The Urban Aspect]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Filosofiya. Psikhologiya. Pedagogika*. 11 (1). pp. 3–8.
14. Jenkins, K. (ed.) (1997) *The Postmodern History Reader*. Routledge.
15. Windschuttle, K. (2002) A Critique of the Postmodern Turn in Western Historiography. In: Wang, Q.E. & Iggers, G.G. (eds) *Turning points in historiography: a cross-cultural perspective*. S.l. pp. 271–286.
16. Teslya, A.A. (2022) *V sporakh o marksistskoy kontseptsii russkoy istorii: mezhdu avtonomiei gosudarstva i NEPom* [In Disputes About the Marxist Conception of Russian History: Between the Autonomy of the State and the NEP]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 6 (1). pp. 213–232.
17. Ankersmit, F.R. (2003) *Istoriya i tropologiya: vzlet i padenie metafor* [History and Tropology: The Rise and Fall of Metaphor]. Moscow: Progress-Traditsiya.
18. McCloskey, D. (2015) *Ritorika ekonomicheskoy nauki* [The Rhetoric of Economics]. Moscow: Izd-vo In-ta Gaydara.
19. Shapiro, I. (2011) *Begstvo ot real'nosti v gumanitarnykh naukakh* [Flight from Reality in the Human Sciences]. Moscow: HSE.
20. Quiggin, J. (2016) *Zombi-ekonomika. Kak mertvyie idei prodolzhayut bluzhdat' sredi nas* [Zombie Economics: How Dead Ideas Still Walk Among Us]. Moscow: HSE.

21. Piketty, T. (2016) *Kapital v XXI veke* [Capital in the Twenty-First Century]. Moscow: Ad Marginem Press.
22. Reckwitz, A. (2020) *The Society of the Singularities*. Cambridge; MA: Polity.
23. Reinert, E.S. (2011) *Kak bogatye strany stali bogatymi, i pochemu bednye strany ostayutsya bednymi* [How Rich Countries Got Rich... and Why Poor Countries Stay Poor]. Moscow: HSE.
24. Mart'yanov, V.S. & Rudenko, V.N. (2022) Magiya belogo progressora: Ot global'nogo kargokul'ta k novoy politicheskoy normal'nosti [The Magic of the White Progressor: From Global Cargo Cult to a New Political Normality]. *Politiya: Analiz. Khronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoy filosofii i sotsiologii politiki)*. 104 (1). pp. 24–49.
25. Mart'yanov, V.S. (2021) V poiskakh drugogo meynstrima [In Search of Another Mainstream]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*. 4. pp. 112–131.
26. Van Dijk, T.A. (2015) *Diskurs i vlast: Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and Power: Representation of Dominance in Language and Communication]. Moscow: URSS: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
27. Funtowicz, S. & Ravetz, J.R. (1993) Science for the Post-Normal Age. *Futures*. 25 (7). pp. 735–755.
28. Ravetz, J. (2020) *Science for a Proper Recovery: Post-Normal, not New Normal*. [Online] Available from: <https://issues.org/post-normal-science-for-pandemic-recovery> (Accessed: 30.05.2021).
29. Porus, V.N. & Bazhanov, V.A. (2021) Postnormal'naya nauka: mezhdru Silloy neopredelennosti i Kharibdoym politizatsii znaniya [Post-Normal Science: Between the Scylla of Uncertainty and the Charybdis of Politicization of Knowledge]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*. 5 (4). pp. 15–33.
30. Lewanowicz, C. (2019) *Europe must remember its past to build its future*. [Online] Available from: <https://www.europarl.europa.eu/news/en/press-room/20190917IPR61204/europe-must-remember-its-past-to-build-its-future> (Accessed: 21.02.2025).

Информация об авторе:

Головашина О.В. – д-р филос. наук, ведущий научный сотрудник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

O.V. Golovashina, Dr. Sci. (Philosophy), leading research fellow, Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: ovgolovashina@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.02.2025;
одобрена после рецензирования 25.03.2025; принята к публикации 30.04.2025.

The article was submitted 22.02.2025;
approved after reviewing 25.03.2025; accepted for publication 30.04.2025.